

... Працую я пробашчам каталіцкай парафіі на Гродзеншчыне... Добра знаёмы з пробашчам парафіі Вішнева кс. Уладыславам Чарняўскім, які (адзін на ўсю Беларусь) адпраўляе набажэнства на беларускай мове. Ён таксама атрымоўвае “Ніву”.

... Я закаханы ў творы пісьменнікаў Вашага краю, у асаблівасць і непаўторнасць іх мовы” [1, с. 183].

Завяршаецца кніга “Віры” невялічкім творам “Адгалоскі”, які напоўнены шэрагам пытанняў і сцверджанняў. Г. Валкавыцкага хвалюе: ці прачытае гэтыя нататкі ўнук? Нашчадкі беларускай справы? Для нас важна ведаць, што і як рабілі нашы папярэднікі, каб адрадыць беларускі рух, у прыватнасці, на Белавежы.

Літаратура:

1. Валкавыцкі, Г. Віры. Нататкі рэдактара / Г. Валкавыцкі. Бібліятэчка беларускага літаратурнага аб’яднання “Белавежа” пад рэдакцыяй Яна Чыквіна. – Беласток, 1991. – 184 с.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ПЛАМЕННЫЙ ЗАЩИТНИК СВОБОДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Т.Б. Лиокумович,
д. фил. н., проф.
(США, Чикаго)

Аннотация

В статье представлены материалы, рассказывающие о судьбе украинского писателя поэта, прозаика, публициста, критика А. Гаврилюка и его связях с Брестчиной. Анализируются его стихотворения, поэма «Песня из Берёзы», документальная повесть «Берёза», рассказывающая о Берёзокартузском концлагере – кровавом застенке, затерявшемся среди полесских болот, где довелось ему испытать тот ад, который существовал в концлагере.

Ключевые слова

Народ, писатель, творчество, служение, борец, Брестчина, узник, историческая память

Географическое пограничное месторасположение Брестчины веками определяло напряжённую судьбу её обитателей. Вихревые исторические ветры часто пролетали над ней разрушительными ураганами и тайфунами. Чтобы выстоять в жестоких грозах и бурях, жителям приходилось проявлять самоотверженность, мужество, непоколебимую веру в своё право на мирную жизнь и созидательный труд.

Среди славных имён, связанных с Брестчиной, почётное место принадлежит украинскому писателю и общественному деятелю Александру Гаврилюку – че-

ловеку пламенной жизни, жизни-горения, жизни-подвига, посвящённой служению трудовому народу.

Убеждённый борец за национальное и социальное освобождение населения Западной Украины и Западной Белоруссии от панского гнёта, при котором жизнь крестьянской бедноты была настолько нищенской, что даже не имелось достаточно хлеба ни для взрослых, ни для детей, а белорусы к тому же ещё презрительно считались холопами, бескорыстно служил правому делу, несмотря на неминуемые крайне жёсткие преследования.

«Это был человек добрый, мужественный и смелый», – вспоминал о нём товарищ по подпольной работе [4]. И другой его соратник свидетельствовал: «Был добрым человеком, пламенным пропагандистом, неsgiбаемым и неподкупным революционером /.../ Жизненный опыт, поэтическое дарование заметно выделяли его среди сверстников. В чутком сердце его со всей силой отдавались стоны измученной нашей земли, горе народа» [3].

Сын полесского крестьянина страстно разоблачал близорукую ограниченность агрессивного польского национализма и узколобую оголтелость клерикализма, обличал отвратительный облик фашизма. А.Гаврилюку за 10 лет (1929-1939), как особо опасному для властей возбудителю к действию народных масс за воссоединение со своими восточными единокровными братьями, за воссоединение искусственно разорванного народного тела довелось пережить 14 арестов польской полиции, следствий и судебных процессов. Он прожил короткую жизнь, всего лишь 30 лет (1911-1941, погиб в первый день нападения фашистов на Советский Союз во Львове во время бомбёжки), из которых половину пришлось провести в тюрьмах, дважды сидеть в концлагере Берёза Картузская, считавшегося из-за бесчеловечного отношения к узникам лагерем смерти.

Свой литературный талант, своё вдохновенное слово, как и свою жизнь, писатель – поэт, прозаик, публицист, критик – посвятил активному служению трудовому народу. Его жизнь и творчество – наглядный образец несломленного духа борца за народное счастье.

Поэзия А. Гаврилюка – это песни борьбы, песни-призывы, песни-мобилизации, песни-плакаты:

Рвуться слова, снуються, тчуться пісні-плакати, –
кину я їх через ґрати над стріхи селянської хати,
а друзі там їх підхоплять і розгорнуть грудьми молодими,
і пісня плакатом зависне, –
хто ці плакати зніме! [1, с. 17] *«Плакати» (1933)*

Поэт считал, что именно такие стихотворения нужны, потому что «на нашій не своїй землі» [1, с. 21]

Бастілії лиш там, де лад спорохнявів,
їх творить тільки той, кому шляху не стало. [1, с. 19]
«Береза» (1937)

А. Гаврилюк вопрошал:

І чи не був за хліб насущний
тобі і гніт, і піт, і труд,
і чи не все, що зніс твій люд,
це зніс і ти, і чи не слушно
казать, - така й душа твоя?
- Так є! – відмовив тихо я. [1, с. 28]
«Львів» (1939)

Поет призывал укреплять «між народів дружби дух» [1, с. 23],

де в боротьбі, немов у кузні,
виковувала кривда й гнів
щдяхи у сяйво інших днів.... [1, с. 27]
... Знімись же, пісне, і гори,
вогнем розсвічуючи вичність,
і клич її: вона прийде,
Весна нова для всіх людей! [1, с. 30]
«Львів» (1939)

Стихотворение «Голова ти моя нелегальна» воспринималось как гімн стойкости политзаключённых, неукротимых предвестников осуществления народной воли.

В. Ласкович почти через столетия вспоминал: «С первыми освободившимися из тюрьмы политзаключёнными стих стал крылатым. Мы тогда не знали ни автора стиха, ни места его рождения, но постоянно декламировали на вечеринках, массовках, в ночном.

Местные «композиторы» как могли перекладывали слова стихотворения на музыку, в каждом месте придавая оттенок, свой колорит, чтобы ещё больше подчеркнуть силу духа, непреклонность борцов, воспетых в произведении» [3].

Олицетворяя в себе сочетание политического и трагического, стихотворение стало народной песней, т.к воплотило в своих воодушевлённо пылких строках нравственную негибаемую и неподкупную суть страстотерпцев за торжество свободы.

Подтверждением того, что «этот крестьянский парень умеет блестяще говорить языком нашей эпохи» [1, с. 8], как отметил один из современников А. Гаврилюка, наглядно свидетельствуют его поэмы «Песня из Берёзы» и «Львов», воспевшие представителей народной массы, не смирившихся с угнетённым положением, поднявшихся на борьбу за освобождение из-под панского гнёта.

Поэт показал себя в них мастером композиции, умело воплотившим в поэтических строках мысли и идеи, чувства и настроения своих мужественных героев. Автор сочетает в поэмах ироническое и сатирическое изображение, удачно пользуется аналогиями («щоб кості зворушились знову, Залізняка і Пугачова / і щоб прорвався з усіх віків / народний, буреносний гнів» [1, с. 21],

выразительными сравнениями («слова б я важив, як каміння» [1, с. 20] , “тут панський гніт, мов мур, стоїть» [1, с. 22], точным употреблением слов, придающих фразе афористический характер («не кожний любить, щоб по місті / ходив за ним слідами хтось...» [1, с.25], «лови в житті весни хвилини / і світ цей, знову молодий, / всім тілом безтурботно пий!» [1, с. 29]. В центре художественных произведений образ самого писателя. Их автобиографичностью объясняется неразрывное переплетение гражданских мотивов с личными переживаниями, с непрерывными размышлениями об общественных заботах. Автор плодотворно продолжает традиции Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки («Вкраїно гнівна чорніх мас, / яку на пана вів Тарас, / де Лесині слова говорять / і духа вільного ведуть / на посту і волі путь» [1, с. 26].

Свои стихотворения, свою «Песню из Берёзы» А. Гаврилюк создавал в абсолютно непригодных условиях для творчества. В концлагере не разрешалось иметь при себе ни бумаги, ни карандашей. Возникшие поэтические строчки необходимо было держать в голове. У одного из товарищей поэта по заключению, любившего поэзию, к тому же была исключительная память. Он и запоминал строки, которые автор доверял ему. А. Гаврилюк вспоминал: «Так створив я в Березі три розділи поеми, яку закінчив вже після звільнення з концтабору /.../ І до цієї своєї дитини я відчуваю найніжнішу любов, мабуть, не за художню вартість твору, а за спомин про обставини, в яких я укладав ці вірші» [1, с. 120].

Центральное место в небольшом творческом наследии А. Гаврилюка (часть, из написанного им, не дошла до читателей, поскольку погибла в застенках дефензивы, изъята при арестах и обысках, сгорела в пламени войны) вместе с поэмой «Песня из Берёзы» занимает повесть «Берёза». В этих произведениях, взволнованно повествуется о жестоких издевательствах в лагере смерти в Берёзе Каргусской. В их основе изложение жутких событий, перенесённых мучительных истязаний самим автором и выпавших на тернистую долю других народных заступников.

Документальная повесть «Берёза» гневно разоблачает тот ад, который существовал в концлагере. Она состоит из выстраданных авторских наблюдений и размышлений о пекле, которое власти уготовили для тех, кто протестует против неволи и добивается справедливости. Её страницы написаны кровью сердца, воспринимаются жгучим обвинением диких порядков.

Отвращение вызывают образы здоровенных верзил со звериным обликом: жестоких, злобных, коварных охранников с хищными взглядами, ограниченных, тупых, с безрассудным удовольствием издевающихся над заключёнными, изуверски исполняющие своё грязное дело, наслаждаясь муками жертв. Писатель разоблачает садизм обладателей отвратительных морд, изошрённо вероломно и подло измывающимися над находящимися под арестом. Мерзкий собирательный образ полицейских негодяев перерастает в олицетворение гнусной панской вампирско-эксплуататорской политики в отношении к народу, который не может и не хочет смириться с тем тяжёлым нечеловеческим держимордовс-

ким режимом, с тем ярмом, в которое насильно загнан свирепыми стражниками существующего насильственного порядка.

Берёзокартузский концлагерь – кровавый застеноч, затерявшийся среди полесских болот, олицетворявший мерзостный мир подлости, был призван полицейским террором защищать господство угнетателей, позволял и вдохновлял изуверов издеваться над лучшими представителями народа так, как заблагорассудится извергам, в итоге воспринимается как гнойный государственный нарыв, от инквизиторской пакости которого необходимо очистить землю.

Зверское отношение к себе усиливает у узников, поставленных в невероятно невыносимые условия существования, презрение и ненависть к угнетателям, ещё сильнее убеждает в правильности избранного ими тяжкого пути борьбы за избавление народа от деспотической власти, преследующей в стране всё прогрессивное. Находящиеся за тюремными стенами всё больше убеждаются, что жить в навязанном им несправедном обществе и не бороться против него невозможно.

Из узника Берёзы Картузской, прошедшего через конспирацию и подполье, преследования и тюрьмы, преднамеренно пытались выбить всё человеческое, изощрённо унижить его достоинство во имя того, чтобы запугать, сломить, заставить отказаться от своих взглядов, от идеала верного служения бесправному народу, перестать быть защитником людей труда. Проходя через мучительные пытки, через невыносимые страдания, он не отказывается от своих убеждений, от своей порядочности, от своей веры в необходимость освобождения родного народа от национального и социального угнетения, сохранить честь борца за народное дело и своё право на дальнейшее сопротивление. Сквозь маску слепого послушания, сквозь видимость отступления от своих взглядов, под покровом якобы инертности и пассивности вынашивает отпор издевателям, формирует солидарность заключённых. Становится понятным, что не подлые и угодливые жестоким властям надсмотрщики, как злющие собаки, охраняющие существующий порочный строй, а измученные узники, презирающие своих мучителей, не теряющие верности нравственных позиций, хотя загнаны, как звери в клетку, и подвергаются нечеловеческим глумлениям, выйдут победителями из несправедливого поединка.

Автор детально изображает Берёзу Картузскую как изворотливый синтез омерзительных пороков одичавшего мира, как предсмертную агонию отмирающего античеловеческого клана. Он описывает конкретные детали, наглядно передающие вопиющие варварские картины концентрационного лагеря как смрадную опору и охрану существующего антинародного государственного устройства. Берёза Картузская вырастает в образ маньяка, в безжалостную машину уничтожения, как порождение враждебных интересов трудового народа полицейского аппарата, который вызывает негодование и презрение к себе.

Закономерно, в повести «Берёза» рассматривается роль художника слова во всенародной борьбе против угнетателей. Главное для героя – выдержать суровые испытания, выпавшие на его долю в лагере смерти, когда он даже лишился имени и значится под номером 820. Его беспокоит только одна мысль: «Чи можна стати таким твердим, щоб видержати й не поддатись?» [1, с. 82]. Повесть

и отвечает на этот животрепещущий вопрос. Шаг за шагом, день за днём писатель фиксирует, как закаляется характер измученных людей, которые под полицейскими резиновыми палками, униженные и оскорблённые, вынашивают ответ своим истязателям, готовы в любую минуту погибнуть, но ни в коем разе не перейти в позорный лагерь господствующих повелителей и свирепо их охраняющих мучителей-надсмотрщиков.

А. Гаврилюк с полным правом гордится тем, что над ненасытной утробой зла, дряни и предательства торжествует правда, которая поддерживает настоящих людей и не позволяет им в самых ужасных ситуациях сойти с избранного пути. Он признавался, что испытывал наибольшую радость от того, что нигде не запачкался и никогда не согнулся.

Повесть наполнена внутренними монологами, что придаёт ей сильное эмоциональное воздействие на читателей.

Благодарное отношение к защитникам бесправного многострадального народа выражено в сочувственном отношении полешуков к бывшим узникам, протестовавшим против мучительной неволи, в горячем одобрении простыми людьми, душевно приветствовавшими тех, кто не щадя своей жизни боролся за избавление от бед, нищеты, гнёта и бесправия, ведя разъяснительную работу среди крестьян в обстановке слежки и преследований: «Стара, сива білоруська селянка з довгою закривленою палицею кажа до мене:

– Ох, і натерпілися ви, голубчики. Ми здалеку лише бачили ваші страждання – і то важко було витерпіти. Ну, хлопці, може хочете їсти, може, вам що потрібне?» [1, с. 139];

«Ми йшли – колона воскреслих трупів, – і білоруські селяни виносили нам їсти: ось з подальшого хутора біжить хлопчина, ледве несе обіруч цеберку з молоком /.../ Ось жінка несе кіш сиру, а дідусь, підпираючись палицею, підходить до нас з яблуками». [1, с.141].

А. Гаврилюк был прав, заявляя: «Везде мы есть, везде мы будем, так как нам принадлежит будущее, ибо мы из народа, ибо мы народ...» [3]. В достоверность мнения народного заступника позволяет убедиться признание космонавта Петра Климука, родившегося в тех местах, в которых проходила подпольная деятельность А. Гаврилюка. Он узнал о своём земляке-бунтаре, вступившем в открытую борьбу против господствующего класса угнетателей, ещё до того, как научился читать: «Мать рассказывала мне о секретаре подпольного райкома компартии Западной Белоруссии Александре Гаврилюке. На земле родной моей Брестчины прошли годы его сурового подполья /.../ «Песня из Берёзы» – книга о мужестве, о силе человеческого духа. Эта книга зовёт к борьбе за мир на нашей планете, за счастье будущих поколений, за то, чтобы никого, никогда и нигде не встретила Берёза Картузская /.../ Его пламенные строки несли в своих сердцах лучшие сыны и дочери украинского и белорусского народов» [2].

Произведения А. Гаврилюка, проникнутые уважением и заботой о человеке, воспринимаются символом борьбы против деспотизма, дикости, несправедливости, угнетения, агрессивного национализма и предвзятого клерикализма, от-

стаивают гуманистические принципы человеческого содружества. Они находятся в одном боевом ряду с книгами стойких борцов против любой формы насилия болгарина Николы Вапцарова, поляка Владислава Броневского, чеха Юлиуса Фучика, татарина Мусы Джалиля. Пламенное слово писателя по-прежнему призывает к мужеству и стойкости во имя счастья народного, убеждает в торжестве правого дела, в необходимости преемственности поколений.

Вся жизнь, вся насыщенная борьбой непокорная судьба Александра Гаврилюка, его произведения напоминают людям о пережитых страданиях, взывают к человечности, убеждают, что социальная справедливость, национальное равенство, братские взаимоотношения содействуют благополучию, что мирное сосуществование предпочтительней и полезней враждебных козней.

Произведения А. Гаврилюка набатно возвещают, что историческая память упорно сопротивляется предвзятым нарушениям её истинности, разному роду фальсификациям в угоду надуманному переосмыслению в авантюрных интересах, воспринимаются не просто как художественные сочинения, но ещё и как исторические документы. Правдивые, достоверные, честные, служащие упрёком тем, кто тужится переписать историю, представить её в ложном свете, не понимая, что без объективного восприятия прошлого невозможно правдиво обустроить настоящее и надеяться на светлое будущее.

Брестчина высоко чтит память об Александре Гаврилюке – героическом борце, патриоте и вдохновенном творце, имя которого вписано в историю белорусского и украинского народов. Его произведения перенесены и на белорусский язык. К переводу поэмы «Песня из Берёзы» обращались Рыгор Семашкевич и поэты-берестийцы Нина Матяш и Михась Рудковский. Внимательно отнёсся к исследованию жизни и творчества писателя брестский литературовед Владимир Колесник.

В 1965 году открылся Берёзовский исторический музей, в котором представлены материалы о жизни писателя и его книги. Экспонаты о нём помещены и в других краеведческих музеях области.

Литературный клуб имени А.Гаврилюка действует в школе деревни Комаровка, в которой учился космонавт Пётр Климук. Праздники, посвящённые памяти А.Гаврилюка, проводятся совместно с писателями Брестской и Волынской областей, которые выступают перед трудящимися заводов и фабрик, в высших и средних учебных заведениях, в городских и сельских школах, высаживают аллеи дружбы.

Статьи о писателе помещены в ряде белорусских энциклопедий.

Пламенному защитнику свободы и справедливости суждено вечно жить в благодарной памяти потомков.

Литература

1. Гаврилюк, Олександр. Вибрані твори / О. Гаврилюк. – Львів: Каменяр, 1976. –160 с.
2. Климук, Пётр. Рядом со звёздами / П. Климук. - М.: Молодая гвардия, 1979. – 224 с.
3. Ласкович, В. Сквозь вихри враждебные / В. Ласкович - «Заря». 7.08.1981. №151.
4. Цит. по: Дмитрів Г. Ми зачаровани на Схід / Літ. Україна. 21.09.1976.